

ИЗ ФОЛЬКЛОРНОГО НАСЛЕДИЯ НИГИЖМЫ

Деревня Нигижма является одним из старейших русских поселений Восточного Прионежья. В предреволюционные годы это было большое, состоящее из нескольких деревень село с Пречистенской церковью, центр волости (позднее он переместился в с. Каршево, а теперь — в пос. Красноборский). В значительной мере деревня была обескровлена во время Великой Отечественной войны — на фронт ушли десятки мужчин, вернулись единицы. Сегодня во всей деревне едва наберётся более 30 домов, часть из них используются как дачи.

Весьма интересный материал принесла нам встреча с Лидией Ивановой Савиной (урожд. Родиной) 1948 г.р., работавшей раньше в местном клубе и библиотеке. Лидия Ивановна родом из с. Авдеево, что на Купецком озере. Ее отец был ветеринарным врачом, мать работала учительницей, а позже — в Пудожском горкоме.

Знакомство с фольклорной традицией началось для Лидии Ивановны в 1967 г., когда она вышла замуж в Нигижму и стала жить в семье мужа, где особое влияние на нее оказала свекровь — Мария Григорьевна Савина (урожд. Мещанинова) (1912 — ок. 1996). Прожив вместе со свекровью почти 30 лет, Лидия Ивановна в значительной мере усвоила ее «репертуар», куда входили как семейные истории и былички о колдунах, так и разного рода приметы и поверья.

Мария Григорьевна происходила из крепкой крестьянской семьи Григория и Прасковьи Мещаниновых, была последним, двенадцатым ребенком в семье. Судьба этой семьи трагична. Родителей раскулачили, отец бежал из заключения, вернулся в Нигижму и сразу повесился — лишь бы умереть на родной земле, а не в лагере. Вскоре повесилась и его глухонемая сестра Ольга (она вела домашнее хозяйство). Семь сыновей погибли на фронте, двое умерли вскоре после войны, из трех дочерей одна умерла родами, а две дожили до старости.

Незаурядной личностью был брат Григория Мещанинова Егор — «приблудный», «не такой, как все». С ним связана целая серия рассказов Лидии Ивановны, слышавшей о нем от свекрови. Дядя Егор умел колдовать, портил свадьбы, водил девок смотреть лешего и гадать на Крещение и Иванов день, искал потерявшийся скот и умел выгнать из конюшни не в меру разбушевавшегося «хозяина».

К сожалению, в свое время ни М.Г. Савина, ни Е. Мещанинов не были опрошены фольклористами, сведения о них (хотя бы косвенные) отсутствуют в справочнике «Носители фольклор-

ных традиций (Пудожский район Карелии)» (Петрозаводск, 2003), в связи с чем рассказы Лидии Ивановны приобретают большую ценность.

Все записи от Л.И. Савиной сделаны в д. Нигижма в июле 2005 г. участниками Пудожской экспедиции Российско-французского центра исторической антропологии им. М. Блока РГГУ (руководитель — А.Л. Топорков) А.Б. Ипполитовой и Д.С. Николаевым.

О КОЛДУНЕ ЕГОРЕ МЕЩАНИНОВЕ

Портит свадьбы

Вот этот дед приближный был, дядя у них [у М.Г. Савиной] был. Кажется, Егором ево звали. У него было во время свадьбы... ну, все в церковь же венчаться ехали, а у него лошадь такая была, Воронок, такой, гот, красивый. И раз, говорит, свадьба, молодые поехали, а ево лошадуку не взяли, штоб молодых везти на ево лошадаке. Он ведь так сделал, што вот ево, гот, Воронок вот так в дыбы встал — и не поехал дальше. Всё! Молодые, говорит... ну што, пришлось и... на другую, на какую-то другую лошадь. Потом молодых же на лошади возили везде, катали, штобы... А потом уже этово, после венчания-та... а невеста во время свадьбы (вот он тоже сделал порчу, умел делать этот дядя, свекрова моя рассказыва[ла], што мы маленькие хоть были, но хорошо помним). Невеста во время свадьбы под стол забилась и закурекала, как петушок! Вообще, гот, такое было, дак потом, гот, уже вот её [М.Г. Савиной] отец Гриша пришёл к нему [к колдуну Егору, т.е. к своему брату], говорит: «Ты што наделал, — говорит, — ты всю свадьбу испортил, невеста-то, — гот, — под столом сидит и кукарекает». Да он [колдун] пришёл, што-то сделал, и всё нормально, невеста села за стол, всё, дальше свадьбу гуляем. Но гуляли очень широко, и всё.

Общается с лешим, гадает на Крещение

Он гадать девок собирал всех. Мог разговаривать с лесными <...> Он, гот, раз нас всех собрал, этово... што пойдёмте, значит, за деревню. Мы пошли, говорит, но он действительно, он этово как стал што-то, говорит, деревья аж вот так, гот, захлопали как, и даже деревья наклонились чуть не до самой земли. Прямо вот так, гот, верхиньями. Но мы глаз не открывали, он нам велел стоять с закрытыми глазами. Также, говорит, собирал в кружок вот гадать. Вот здесь на перекрёстке трёх дорог. Значит, в кружок, всех девок ставил в кружок, штобы... на Рождество... ой, на Крещение-то, штобы женихов-то откуда. С какой стороны там

собака залает или там ворона загаркают или там што-то ещё какой звук: «Девки, што вам кажется?» Он в кружок их всех соберёт, тоже с закрытыми глазами. Што он там сам делал... Но факт тот, што им не разрешал глаз открывать. Штобы было этово...

Выгоняет «хозяина» из конюшни

Вот также, говорит, лошадь вот, вот этот Гриша дед, у него лошади были одной масти все. Ну, примерно все чёрные. И он купил там лошадь (чёрную, примерно, убил) бурую. Масти <...> Значит, хозяин во хлеве живёт, уже эту лошадь не полюбил. Утром, говорит, придём, говорит, лошадь аж вся мокрая. Ну, вот бывает тако ласка животное, как вылизет всю, мокрая. И вот эти ясли такие, где дают сено да всё — аж туда дак лошадь забьётся. Вот тоже дядю этово позвали [Егора Мещанинова], он всю остальную скот вывели со хлева, всю скотину. И он взял, гот, большую погонялку. Нам всем, никто там не присутствовал, все вышли. И он, гот, погонялкой по стенам по этим бил и даже такой как визг стоял — не знаю, кто там визжал, но он сказал, што... лошадь... ну, штобы... хозяина, в общем, хлева бил. Штобы лошадь и было... И всё нормально, гот, стало. «Ты, мол, што!» — он как с ним разговаривал, што лошадь такое этово... Ну, вот раньше в это верили. Не знаю, насколько правда, но, наверно, скоко-то правда было.

Ищет потерявшийся скот

Вот также он помогал скот искать. Примерно, значит... Ну, выпустишь на лето... Вот он... лесным отдавали самую хорошую, примерно, коровушку в стаде. Вот он весной провожал скот. Просил лесного, штоб он не трогал. Но самую хорошую корову в стаде мог загрызть медведь, потеряться могла. И вот потом хозяева ищут долго там, ходят... Вот он умел сделать, што вот хозяева к нему придут вот там, он их заставлял в доме пол, грязь, которая там есть примерно за день, всё смести там на совок, выходил там тоже на развилку трёх дорог, што он сам с этим мусором делал, но факт тот, што он мог тебе сказать уже: жива твоя животная или не жива. Вот, мог сказать, што, примерно, твоя коровушка бесполезно искать. Её уже живой нету. Она отдана у пастуха за пасьбу, лесному, значит, отдана. Как бы расчёт за пасьбу. А другой раз мог сказать, што жива ваша животная, просто она потерялась, и ищите. Даже мог назвать, около какого места ищите. Вот ходили-ходили, гот, несколько раз корова потерялась, рядом вот тут, гот, ходили, ничево — вдруг после ево, как он сказал, пошли — рога

лежат там, хвост — корова уже съедена у медведя. И медведь ведь ещё потом зарывает, он свежего мяса не ест. Он зарост, вот уже этово сразу тут, гот, нашли. А вся деревня ходили — искали, помогали — не могли найти, а оно тут и есть животное. В общем, умел, умел, умел...

Гадает на Ивана Купалу; передача знания

Вот тоже на Ивана Купалу гадали ходили да всё, гот, тоже венки спускали да всё тоже вот этово... Но этот дед Егор он в основном, дядя вот этот, руководил вот этими всеми... <...> Говорят, такие люди, вот, кто умеет што-то делать и хорошее и худое, он перед смертью должен своё мастерство кому-то передать. Если он своё мастерство перед смертью кому-то не передаст, он умирает очень тяжело, он мучается. Он не может сразу умереть очень долго, а как токо он своёво, што он всё это умел, кому-то другому более тоже такому одарённому, или кому-то из своих, или даже вообще и постороннему человеку, но знаешь, што этот человек будет што-то... как и он [делать]. Передаст — он сразу умирает.

СКОВОТОВОДЧЕСКАЯ ОБРЯДНОСТЬ

[А больше тут таких людей не было? <как колдун Егор Мещанинов>] Ну, как же не было! Бы-ыло! Было и не один был! И делали и на худое и на хорошее делали. Тут бабушка была вот, где вот шас кирпичный дом — внизу жили Хлыстовы, там бабушка у них была. Бабушка тоже умела делать. Потом был там туда дальше в Подберезье [часть Нигижмы] Тарасов, дед Илья. Также умел делать. Вот корову во хлев завести. Новую покупашь или там што-то, штобы домовой вот принял её хорошо, дак там просишь у него, штобы прими там такую-то, штобы корми, пои, береги её, штобы жила во хлехе хорошо. Дома, когда начинают строить новый дом, какое-то зерно полагают, вот, первые камни или, ну, теперь большинство цемент. Цементируют фундамент дома, вот тоже, и деньги полагают, как окупают место копеечками. Желательно... [До сих пор так?] Есть, и до сих пор. И даже хлев строят, до сих пор. Да-да-да-да. Штобы этово, было што-то. Зубы там от шуки от рыбы полагают в эти... не то што подкову на счастье там над дверями, а примерно во хлев или што, штоб не было переговоров... Ну рыбу шуку представляете, морда... Вот уже она, значит, высохнет, вот эти, само главное, зубы полагаются, штобы не было слеза у скотины. Весной выпускаешь через железо да кушачок от хозяйки, штобы тоже от слеза. [А вы так делаете?] Делаю. Вот это дела. Кушачок и железо полагаю [смеется]. Пото-

му што с зимы выйдет, будто ничево, а потом всё равно люди всякие ест. Особенно кто вот светлоглазый, те очень ранимые люди [у самой информантки светлые глаза]. Вот у ково глаз чёрный глаз, те не так, а вот голубые глаза у ково, светлые, те и маленький ребёнок слезу этово боится, и уже взрослый. Может, обговорили — человек заболает. [А что вы с железом делаете, когда скотину выпускаете?] Да. Ну, примерно, железный какой-

нибудь или потолше, или ну у нас есть вот эти кочерги. Вот, вот, у меня висит вот кочерга вот [показывает кочергу на печке, железный конец которой длиной около 1 м]. Старая, стогодовая, а там просто она у меня в бане, дак такая чуть-чуть подлиннее, но вся железная. Вот кидая её под порог и свой кушачок от халата каково-нибудь, от платя. И вот через это выгоняю, штобы... Ну, от слеза. [Порог хлева, да?] Да, перед хлевом. Вербно Воскресенье — вербушки, этово... Вербушки, святой водой... <...> Вот вербушки собирают внучата, у меня четверо нанесут много, там иконки, я за иконку полагаю вербушки. Красной ленточкой, значит, [перевяжу], ну и водой осветлённой, значит, маленько побрызгала. Первый день, когда коровушку на пастбище выпускаю, обязательно беру вербушек. Коровушку согнала, вербушки кидаются куда-то в воду. Не так што просто где-то бросили, а бросить надо обязательно, штоб они были в воде. Обратном когда идёшь с пастбища, это меня ещё свекрова научила, што так обязательно надо делать. Хотя три или там пять камешков собрать с дороги. Но вот по которым шла коровушка на пастбище. Три небольших таких камешка. И домой с пустыми руками не заходить. Взять хоть два полена дров или три тут и принести. А камешки вот туда на печь наверх кидаются <...> Ну а потом их можно снать. Это токо весной в первый раз, когда выгоняют на пастбище. А потом можешь эти камешки уже и выбросить оттуда. Зачем их потом хранить? <...> И вот эта процедура каждый год. Штобы обязательно вот так этово... Теперь я могу сама уже завести, во хлев поставить, вот слова говорю и могу даже людям сходить попросить, штобы если завести во хлев просят. Надо обязательно ячень... ячневая какая-то крупа... знаете ячневую кашу-то ведь? Ну вот, эта ячка. Она кидается под ноги, под ноги [тому], кто заводит [корову в хлев] и

Семейная реликвия в доме Л.И. Савиной: чашки М.Г. Савиной и её сестры с надписью «В день Ангела»

коровушке. И вот по этой крупе заводишь во хлев, слова говоришь, на место ставишь <...> [А какие слова, не скажете?] Слова какие? Ну вот хозяйина. Хозяин и хозяйка обязательно. Примите там коровушку мою по кличке такую-то. Та, примерно, у меня Красуля. Значит, её кормите, поите, берегите её. И три раза: Аминь. Аминь. Аминь. И все слова. Коровушку вот пока заводишь во хлев, эти... крупу кидаете, говоришь — и пристегнёшь, и всё. И больше ничего. Потому што разной масти вот эти бывают. А Великий четверг — обязательно надо коровушке хвосты подрезают. Вот перед Пасхой Великий четверг. Хвосты подрезают, немножко из этово... от хвоста волос оставляют под матицей во хлехе. Тоже какая-то примета, штобы этово... не знаю, какая, но так делают всегда. [А когда вы коров весной выводите, говорите что-то?] Нет, ничё не говорим. Просто через железо с этим [кушачком] — и всё. Вот тут ничё не говорится, когда выводится. А так некоторые не верят, не знаю, а всяко бывало, што вот люди... Эта женщина одна тут выгнала [корову весной], и сразу корова у неё прямо — ну как у меня вот тут тротуары, — корова упала, раскололась и пришлось на бойную везти.

ПОВЕРЬЯ И ПРИМЕТЫ

Продажа дома новым хозяевам

В доме вообще даже по старым поверьям, если дом продают <...> иконку всегда хоть какую-то или што — в доме оставляют. Оставляют стол, стул и иконку обязательно. Тем хозяевам, кто дом покупает. Пустой дом не оставляют. Как вот теперь, што там кошку али што-то.

Река Виксенда

И... дети ещё когда болели, вот Виксенда. Она текёт не по солнцу, а против солнца текёт вода в ней. Вот свекрова говорила, примерно ребёнок та-

кой ненадежный, што уже больной. Другой раз матери мучаются, мучает. Сходят гуля на Виксенду, это вот Виксенда, как слать... ну, в Красноборск, она вот там под посёлком, там внизу вот этово или в Гакусу ехать, эта есть Виксенда. Воды принесут с этой Виксенды, помоют три раза ребёнка, если на житьё — ему становится лучше. Ребёнок живёт. А если как суждено ему умереть, значит, он умирает. Но факт тот, што руки матери развяжет. Ей уже этово... В общем, помогало. Делали такое всё.

Родимчик

Первая-то девочка у меня умерла, четырёхмесячная <...> В общем, как по-деревенски говорят, родимчик прошёл. Ну, ребёнок начинает кричать, кричать, кричать, потом, как от сажи, чернеет. Бабуля-то, моя свекрова говорила, надо чёрным закрыть да не спугать в этот момент. Ну, типа эпилепсии. Ну, што это... Они, стары люди, говорили, што это родимчик. Ну вот. И рвут на ребёнке одежду, где ево вот вязло, в дом спускаются в подвал и в это место эту одежку с ребёнка заколачивают. В землю прямо, где вот этот родимчик берёт.

Чтобы пожар не перекинулся

Если вот который горит дом, дак што ему, как говорится, сделашь. Горит — спасают, если могут. А штобы соседние дома не горели — берут икону и вокруг домов ходят. Вокруг дому. Штобы там, примерно, соседние не загорелись. А если пожар случился, што хлев и скот. А скот когда горит, он — со хлева не выведешь. Значит, берут топор, в дверях вот этот сверху как вот, матица [показывает на матицу], значит, топор в неё забивают, топор, тогда скот выводят со хлева. А так, когда горит — скот не вывести со хлева. А штобы другие дома не горели — вот с иконой. И просят Господа Бога, штобы огонь не перекинулся на другие дома.

Покров

14-го то — Покров. 14 октября. Вот к Покрову уже все осенние работы кончались, всё уже тут этово... [Свекровь] всё говорила, што на Покров, значит, землю покроет снежком уже, а красну девку женишком. И мох всегда ложила в окошки, в каждое окошко мох, штобы, если девушка есть в доме, штобы хорошо замуж вышла, да всё вот этово. Примета такая была. Вот на Покров уже гуляли. Первый праздник осенний, уже все работы кончены, уже гуляние было. Уже тут тоже приехали и торгаша, и всё.

Публикация
А.Б. ИПОЛИТОВОЙ
(Москва)

Новая книга о пространственно- временной организации в сказках и былинах

В.А. Черванёва, Е.Б. Артёмко. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров): Монография. — Воронеж: ВГПУ, 2004. — 184 с.

Книга посвящена пространственно-временной организации двух эпических жанров русского фольклора — волшебной сказки и былин. Исследование состоит из двух относительно самостоятельных частей.

Первая часть написана В.А. Черванёвой и имеет заглавие «Пространство и время в волшебной сказке: количественный аспект». Цель исследования — описание некоторых аспектов картины мира в волшебной сказке. Картина мира мыслится как определенное отражение реальности в виде набора или системы определенных концептов. Слово «концепт» употребляется разными исследователями в разных смыслах; здесь, вероятно, можно определить концепт как некий «кусочек знания», более или менее отграниченный от других компонентов картины мира (понятие также довольно расплывчатое, но полезное). Автор выбирает для рассмотрения достаточно абстрактные концепты, которые могут иметь количественные характеристики, — пространство и время.

«Количественный аспект» в заглавии относится не к исследовательскому процедуре, как можно подумать, а к курсу, в котором описывается пространство и время сказки: эти категории рассматриваются с точки зрения их измерения. Здесь автору удалось получить интересные результаты. Концепты «становятся видны» через язык и тексты, но однозначно не определяют форму своей реализации. Например, концепт дистанции по вертикали может выражаться через прилагательное «высокий» в словосочетании «высокий столб», через формулу «выше леса стоячего, ниже облака ходячего», через указание числа этажей в доме царевны, когда герой должен допрыгнуть до ее окна. Соответственно В.А. Черванёва классифицирует способы репрезентации концептов.

Концепт дистанции по вертикали реализуется в сказке по-разному — в зависимости от того, вверх или вниз от земли она отсчитывается. «Вертикаль вверх» отражается как указание на высоту объекта. В зависимости от того, каков масштаб этого измерения, автор выделяет три модели: модель «Космос», когда измеряется пространство от земли до неба, модель «Космос + Дом», которая вовлекает в измерение микроуниверсум — жилище, и, наконец, модель «Дом», в которой объектом описания является только жилище. «Вертикаль вниз» относится к измерению расстояния до «ниж-

него мира». В этот мир могут попадать, опускаясь в яму, пользуясь веревкой или иным длинным предметом. Другой способ указания на «вертикаль вниз» — эпизоды, когда персонажа забивают в землю. Существенно, что вертикальное измерение не «уходит в бесконечность», а имеет конечные точки — небо и преисподнюю. Измерение производится путем соотношения с объектами, такими как гора, веревка и т.п., а не при помощи единиц измерения.

Горизонтальная дистанция реализуется при указании перемещения героя из своего мира в «иное царство» или при описании способностей или действий персонажей. Великан может нести героя пятьсот верст, жеребцы могут отскочить на пять сажени, Огненный царь может жечь за тридцать верст. Наконец, структурирование пространства может осуществляться при помощи показателей расстояния между объектами, например, сестра Бабы-Яги живет от нее в десяти верстах. В рецензии невозможно перечислить все способы репрезентации дистанции, которые рассматриваются автором весьма подробно, поэтому разумно привести общие выводы. Концепт дистанции детерминирован следующими параметрами: определенность/неопределенность, направление, количественная оценка, повествовательная функция (этот параметр имеет значения «организация пространства», «характеристика способностей персонажа», «организация композиции»), семиотическая функция («свое—чужое», «верх—низ», «истинный—ложный»). Превалирует полюс больших величин, горизонтальное измерение гораздо более насыщено количественными показателями, чем вертикальное. Характеристики величин имеют обобщенные, неконкретные значения, что вообще характерно для фольклора с его генерализующей семантикой.

Концепты площади и размера предметов фигурируют не слишком часто, однако автору удается получить нетривиальные результаты. Для площади релевантен признак «заполненность/незаполненность», а для концепта размера предметов отсутствуют номинации, указывающие на средний размер.

Подробно рассмотрены размеры персонажей, набор которых описывается при помощи семиперсонажной схемы Пропла. Главный герой, как правило, описывается как высокий, «дородный». Значительно реже встречаются герои маленького размера, это признак «низкого героя», или же такие характеристики принадлежат речи антагониста. Царевна также может получать похожие характеристики: «всех выше», она «еще полнее, красивее стала». Антагонисты описываются либо как очень большие, либо как маленькие существа, но никогда как «тождественные размерам человеческого тела». Такими же отклонениями от «человеческой» нормы может характеризоваться даритель